

но эта правильная тенденция была им абсолютизирована и доведена до отказа от анализа качественного.

В 60-е гг. произошла эволюция трактовки контент-анализа как техники исследования. В этой связи важное методологическое значение приобретают работы таких российских социологов, как А.Н. Алексеев, А.Г. Здравомыслов, В.С. Коробейников. Представляется бесспорным предостережение А.Г. Здравомыслова против абсолютизации количественной стороны контент-анализа: «количественный анализ должен постоянно дополняться качественным» [Здравомыслов, с. 155]. Количественные данные контент-анализа – не самоцель, а средство более глубокого изучения документов. Главная задача, которая решается посредством контент-анализа, состоит в том, чтобы выяснить связь текста с реальными событиями, о которых в нем идет речь. Однако здесь следует учитывать один важный момент: мир фактов практически бесконечен, концептуальные связи имеют сложную и разветвленную структуру. Количество концептуально значимых фактов, отраженных в письменном источнике, и количество не вместившихся в него величин – практически несоизмеримы. Поэтому контент-анализ того или иного концепта, проведенный исследователем даже на материале солидной выборки письменных текстов, не может оцениваться чисто математически с точки зрения репрезентативности анализируемых источников по отношению к генеральной совокупности событий, происходящих в обществе. Концепт в очередной раз подтверждает свой статус такой единицы исследования, подсчитывать которую и сложно, и зачастую бессмысленно.

Итак, с помощью метода контент-анализа как бы анализируется «поверхность» текста – частота интересующих исследователя словоупотреблений. Глубинное же содержание контекстуального пространства остается в ведении компонентного анализа. Последний является детищем XX в. Сначала он появился в фонологии под именем дистрибутивного анализа, затем его ключевой принцип – исследование дифференциальных признаков – был перенесен в грамматику и лишь после этого в семантику. В семантике метод компонентного анализа основан на представлении о том, что лексические единицы языка, подобно всем другим его единицам, образуют некие упорядоченные ряды и со стороны своей вещественной семантики (в пределах этих рядов) находятся в определенных парадигматических отношениях друг с другом. Посредством оппозиционных тестов значение каждого слова может быть разложено на некоторые элементарные смыслы – дифференциальные семантические признаки.

Идеи о необходимости разложения лексических значений на компоненты при их описании в европейском языкознании высказывались многими учеными, например Р. Мейером, Л.В. Щербой, Л. Ельмслевом и другими, но как специальный метод семантического исследования компонентный анализ был разработан (первоначально на материале терминов родства) в американской этнолингвистике. Позднее он был успешно применен к анализу ряда других лексико-семантических групп и полей (глаголы движения, говорения), а также конкретных

лексических единиц (spinster, bachelor). Тем самым была доказана его полезность и плодотворность. Именно поэтому к 80-м гг. XX в., когда исследование концептов стало невероятно популярным, многие ученые при рассмотрении их структуры обратились к компонентному анализу. Нужно сказать, что выбранный подход был не совсем оправданным, поскольку, несмотря на то что компонентный анализ слова обнаруживает точки соприкосновения с концептуальным анализом, их конечные цели нетождественны и, следовательно, «кроить» структуру концепта по старым «компонентным» лекалам некорректно. Прежде всего, необходимо отдавать себе отчет в том, что до сих пор посредством метода компонентного анализа не удалось выявить и строго обосновать полный состав элементарных семантических компонентов, так как не удалось установить допустимые пределы членения языковых значений на такие элементарные компоненты [Ахманова; Шаховский, Шейгал]. Кроме того, при рассмотрении абстрактных слов-понятий с помощью метода компонентного анализа непременно возникают почти непреодолимые трудности, связанные с тем, что их определение не может быть однозначным и вполне объективным. В итоге приходится констатировать, что попытки подвергнуть строгому компонентному анализу какой-либо иной материал, кроме достаточно ограниченного набора тематических рядов, оказались не вполне успешными.

Тем не менее вышеизложенные недостатки вовсе не говорят о бесполезности компонентного анализа в деле исследования концептов. Суть заключается в том, что структура и содержание концептов выявляются через значение репрезентирующих их языковых единиц, через словарные толкования последних и речевые контексты их употребления. Компонентный анализ связан с разъяснением слова, направлен на экспликацию семантической структуры слова, тогда как концептуальный анализ «привязан» к знаниям о мире. Другими словами, концептуальный анализ – это исследование более высокого порядка, учитывающее особенности как теоретического, так и обыденного познания – когниции; он базируется не только на логически выведенных характеристиках (семах), но и на опыте взаимодействия с окружающим миром.

В настоящее время в когнитивной лингвистике сосуществуют два ракурса концептуального анализа, которые С.А. Жаботинская определяет как логический и эйдетический. «Логический анализ концепта направлен на установление закономерностей его внутренней организации, моделирование взаимосвязей входящих в него элементов... Эйдетический же анализ концепта в большей мере концентрируется на его сущностной природе, т.е. на том, как тот или иной целостный концепт существует в мышлении...» [Жаботинская, с. 4].

Методика концептуального анализа, которую использует Е.С. Кубрякова, имеет логический крен: она связана с построением когнитивной карты слова и скрупулезным описанием языкового материала на основе дефиниционного анализа с привлечением данных формальной логики, психолингвистики, физиологии мозга. Опираясь на определение из словаря С.И. Ожегова, Кубрякова организует когнитивную

карту слова «память» вокруг таких концептов, как «способность», «знание» и «запас», анализируя каждый из них и связывая с ними те или иные употребления слова [Кубрякова, с. 86 – 87]. Получается достаточно разветвленная, открытая для интерпретации схема, которую можно рассматривать как отражение наиболее частотных контекстов употребления слова и направлений, по которым идут семантические преобразования в его структуре.

Ю.С. Степанов считает наиболее целесообразным для исследования концептов культурологический подход. По его мнению, рассмотрение концепта следует начинать с этимологии, т. е. проанализировать источник появления ключевого слова, вербализирующего данный концепт. Для определения внутренней формы концепта нужно обратиться к сведениям о культурной парадигме той эпохи, когда возник концепт, так как эти данные позволяют верифицировать языковые семантические реконструкции и обладают большой объяснительной силой. Внутренняя форма существует как основа, на которой возникли и держатся остальные, периферийные слои значений – пассивные и актуальные признаки концепта: «концепт имеет "слоистое" строение, и разные слои являются результатом, "осадком" культурной жизни разных эпох» [Степанов, 1997, с. 46].

На данном этапе развития когнитивной лингвистики основным предметом внимания ученых при проведении концептуального анализа становится семантическое представление: вместо того, чтобы рассуждать о значениях и изменениях значений, они стремятся моделировать их. Так, И.А. Стернин и М.В. Никитин описывают концепт в терминах ядра-периферии, однако, в отличие от Ю.С. Степанова, их подход характеризуется актуализацией ценностного компонента: в центре концепта находятся наиболее актуальные, значимые для носителей языка «смысловые зоны», выявляемые в результате описательного и экспериментального исследования семантики языковых единиц, репрезентирующих концепт, и последующей когнитивной интерпретации полученных результатов [Стернин; Никитин]. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин считают, что для моделирования структуры концепта могут быть использованы такие «традиционные единицы когнитивистики, как фрейм, сценарий, скрипт и т.д.», поскольку, в отличие от концепта, они обладают «более четкой структурой» [Карасик, Слышкин, с. 78]. Надо сказать, что фреймовый анализ «прижился» очень быстро, но здесь нужно помнить, что область его применения ограничена: «... в отличие от общего термина "концепт", который может выражать любую единицу знания, в том числе и неструктурированного (типа целостного образа, понятия или гештальта), общий термин "фрейм" используется только для обозначения структурированных концептов: собственно фреймов, схем, сценариев, когнитивных моделей» [Болдырев, с. 29]. Другими словами, фрейм – это всегда структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними. Из этого можно сделать вывод, что наиболее успешно фреймовый анализ может применяться по отношению к терминам, структура которых легко раскладывается

на слоты (см., например, фреймовый анализ англоязычной компьютерной технической терминосистемы Т.А. Сытниковой [Сытникова] или исследование базовых концептов политического дискурса Е.И. Шейгал [Шейгал]).

Очевидно, что в настоящее время не выработано четкой схемы концептуального анализа. В работах, посвященных исследованию конкретных концептов, можно выделить ряд наиболее часто употребляемых приемов обращения с языковым материалом: 1) этимологический анализ; 2) дефинирование; 3) контекстуальный анализ; 4) анализ синонимических единиц, репрезентирующих концепт; 5) анализ репрезентаций в паремиях, афоризмах, индивидуально-авторских номинациях; 6) компонентный анализ; 7) контент-анализ; 8) экспериментальные приемы. Понятно, что все они имеют общую цель – системно описать и представить в упорядоченном виде участок системы языка, репрезентирующий тот или иной концепт, однако пути достижения этой цели оказываются весьма разными. Как справедливо замечает Р.М. Фрумкина, «между разными авторами не только нет согласия в том, каков тот *набор процедур*, который следует считать концептуальным анализом, но нет согласия и в том, что же следует считать *результатом*» [Фрумкина, с. 96]. И тем не менее, за последние 10-15 лет концептуальный анализ уже вполне определенно сложился *в особую форму научных изысканий, предусматривающую совокупность лингвистических процедур, ориентированных на описание ключевых концептов ментального мира социума* [Стернин; Карасик, Слышкин]. Попробуем логически обобщить и последовательно изложить в виде алгоритма основные этапы концептуального анализа, как результат систематизации ряда значимых работ, посвященных данному вопросу. Не претендуя на универсальность сделанных выводов, мы надеемся, что они могут иметь определенную эвристическую ценность, хотя бы с точки зрения их последовательного изложения.

1. На основе анализа частоты словоупотребления, знаний о структуре языка, исследовательской интуиции и других дополнительных параметров выделяются основные лексемы, репрезентирующие изучаемый концепт.

2. Учитывается этимология слова-имени концепта и анализируются те паремии, афоризмы и произведения традиционного фольклора, в которых нашли отражение глубинные представления об исследуемом концепте. Знания, полученные в ходе этимологического дефиниционного анализа слова-имени, способны объяснить смысловые трансформации в структуре концепта и помогают понять, как формируется его образная основа.

3. Сопоставляются те лексикографические толкования слова-имени концепта, которые были взяты из нескольких наиболее авторитетных источников. Как правило, они не имеют существенных различий и отражают типовые системные свойства лексемы. Далее путем тщательного анализа совокупности значений слова-имени концепта, на основе умозрительных и логических операций можно выделить ключевые семы, или набор дистинктивных родо-видовых признаков концепта.

4. Изучаются ассоциативные связи концепта на основе анализа соответствующих словарей и по результатам свободного ассоциативного эксперимента.

5. Определяется референтная ситуация, к которой принадлежит концепт, и исследуется типовая сочетаемость и метафорика ключевой репрезентирующей лексемы. Анализ речевых контекстов позволяет выяснить, как отражается тот или иной концепт в массовом сознании.

6. На заключительном этапе концептуального анализа предлагается целостное описание макроструктуры концепта и делается попытка представить его модель в терминах ядра-периферии. Данная процедура предполагает распределение выделенных на предыдущих этапах когнитивных признаков по полевым зонам, т.е. между ядром, ближней и дальней периферией.

Результатом концептуального анализа является графическое или словесное представление содержания концепта в виде модели. На этом этапе исследовательские «копья» чаще всего ломаются в спорах о том, что считать ядром и как разграничивать ближнюю и дальнюю периферию. Представляется, что однозначного ответа на этот вопрос без обращения к конкретному концепту, соответствующему языковому материалу, а также культурным и историческим фактам, дать нельзя. Изменения условий жизни социума обязательно приводят к концептуальным трансформациям: большинство концептов постоянно развиваются, какие-то признаки они приобретают, а какие-то теряют. В том случае, если этимологическая основа слова-имени концепта сохраняет стойкую связь с более поздними значениями, появившимися в языке, вполне справедливым будет принимать внутреннюю форму за отправную точку развития концепта. Но может статься, что этимологическая основа не актуализируется в современных значениях и контекстах, тогда центральная часть в структуре концепта будет занята некоторым синхронным компонентом значения ключевой репрезентирующей лексемы.

Предлагаемый «кумулятивный» вариант концептуального анализа опирается на широко распространенную традицию применения структурных методов в изучении языковых явлений и основан на *характеристике сильных позиций лексических единиц в матрице частот словоупотреблений, на выявлении ключевых семантических признаков и их последующем моделировании*. Действительно, как показывает логика нашего рассуждения и как следует из выводов многочисленных концептуальных исследований, та сторона концепта, которую часто сравнивают с подводной частью айсберга и которая принадлежит языковому сознанию и культуре, почти не поддается толковому описанию. Однако это вовсе не делает концепт абсолютно непознаваемым – всегда есть «опорные точки», прежде всего языковые, исследуя которые можно проникнуть в его структуру. Это дает основания полагать, что, даже если признавать за концептом его «мифический» статус [Прохоров], *концептуальный анализ вполне реален в своей виртуальности*: он опирается на обширный языковой и культурный материал и осу-

ществляется квалифицированными специалистами, которые отбирают и анализируют речевые контексты, составляют вопросы для проведения языкового эксперимента и истолковывают результаты.

Литература

- Аверьянов Л.Я.* Контент-анализ. М., 2009.
- Ахманова О.С.* Общелингвистические аспекты оптимизации речевого общения. М., 1966.
- Болдырев Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1.
- Жаботинская С.А.* Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования // Лінгвістичні студії. Вип. 2. 1997.
- Здравомыслов А.Г.* Методология и процедура лингвистических исследований. М., 1969.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- Кубрякова Е.С.* Об одном фрагменте концептуального анализа слова ПАМЯТЬ // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Никитин М.В.* Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007.
- Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М., 2008.
- Степанов А.С.* Метод контент-анализа и производные принципы в исследовании актуальных проблем современного общества. М., 1995.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
- Сытникова Т.А.* Фреймовый анализ терминологии предметной области (на примере англоязычной компьютерной технической терминосистемы) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Тверь, 2008.
- Таршис Е.Я.* Контент-анализ. [Электронный ресурс]: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/54350.html>
- Фрумкина Р.М.* Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- Шалак В.И.* Контент-анализ. М., 2004.
- Шаховский В.И., Шейгал Е.И.* Методика лингвистических исследований. Волгоград, 2008.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Lasswell H.D.* The analysis of political behaviour: An empirical approach. London, 1970.

УДК 81'42
ББК 81.2-5

Е.Г. Жукова

**НЕИНФОРМАТИВНЫЕ
СТРУКТУРНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЕ
АДДИЦИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ
(ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ
АСПЕКТ)**

Статья посвящена изучению влияния дискурсивного контекста на информативную нагрузку разноразличных единиц языка, обладающих инференциальными смыслами, т.е. семантико-синтаксических аддиций (ССА). Проанализированный материал позволяет сделать вывод касательно релевантности закона о единстве противоположностей применительно к неинформативности ССА в художественном тексте, эксплицируемой при использовании субъектом повествования гиперонимов и политических эвфемизмов, а также в ситуациях, где вступает в действие «эффект смысловых ножниц».

Ключевые слова: *диалектика, информативность, структурно-семантическая аддация, инференциальный смысл, художественный дискурс.*

Жукова Екатерина Геннадьевна – ассистент (соискатель) кафедры теории и практики перевода факультета романогерманских языков Ставропольского государственного университета

Тел.: 8-9624-41-20-13
E-mail: daos2009@rambler.ru

© Жукова Е.Г., 2011 г.

Лингвистика сегодня все активнее концентрирует свое внимание на тех вопросах, которые акцентируют связь языковых, в том числе дискурсивных, структур и информационно-когнитивных аспектов освоения окружающего мира. Такой подход называют когнитивно-дискурсивным, он завоевывает все более широкие позиции в теории языка на современном этапе и позволяет по-новому взглянуть на одну из традиционных проблем лингвистики – проблему информативности (эллиптичности vs. избыточности) языковых структур. Цель статьи – изучение влияния дискурсивного контекста на информативную нагрузку единиц различных уровней системы языка, в том числе и обладающих инференциальными смыслами, т.е. семантико-синтаксических аддиций (ССА). В зависимости от дискурсивной функции такие единицы способны кардинально трансформироваться, изменив свою информативность на диаметрально противоположную. Экспланаторность и функционализм современной теории языка, принятые за основу в нашем исследовании ССА, предоставляют возможность проанализировать транспозицию «гиперинформативность → неполнота информации» с лингвофилософских позиций, т.е. как сферу реализации основного закона диалектики о единстве противоположностей.

Далее мы проведем краткий обзор современных работ по философии и лингвистике, посвященных обозначенной выше проблематике с тем, чтобы обосновать

необходимость интерпретации диалектического взаимодействия нагруженных инференциальными смыслами единиц языка. Диалектика – это ключевой концепт современной философской мысли. Ее основной задачей является анализ диалектических противоречий, возникающих вследствие наличия в изучаемом объекте «противоположных, взаимоисключаемых сторон, свойств, моментов, тенденций, которые в то же время предполагают друг друга и в составе данного объекта существуют лишь во взаимной связи, в единстве» [Спиркин, с. 296]. В современных трудах по философии неоднократно подчеркивается, что все предметы и явления макрокосма сплетены из «нитей двух родов: положительных и отрицательных, нового и старого, прогрессивного и реакционного и т.д.» [Спиркин, с. 296]. Тем самым акцентируется закон *единства и борьбы противоположностей*, который вскрывает основу развития любой материальной или идеальной сущности, т.е. «его источник, каким является противоречие (единство противоположностей)» [Кохановская, с. 135]. Согласно этому закону, как в природе, так и в обществе, существуют «вне друг друга полюсы, или крайности, – такие, как левое и правое, хорошее и дурное, плюс и минус, северный и южный полюсы и т.п. Эти полюсы в равной мере взаимно предполагают друг друга (нераздельны, находятся в корреляции) и исключают (вытесняют) один другой» [Философский ..., с. 184].

Естественный человеческий язык – не исключение из данного философского закона. В лингвистической литературе отмечаются многочисленные факты действия закона единства и борьбы противоположностей применительно к разноуровневым единицам языка, однако системного описания функционирования данного закона в языковедческих исследованиях пока не существует. Идеи о диалектической природе языка высказывались с середины XIX в., когда В. Гумбольдт стал противопоставлять мгновенность и монументальность языка. Ф. де Соссюр выделил такие дихотомические оппозиции (т.е. случаи действия закона о единстве противоположностей, обеспечиваемые взаимодействием и транспозицией противоположных составляющих), как «синхрония – диахрония», «язык – речь», ставшие впоследствии аксиоматичными. В современной лингвистике делается акцент на исследование ряда антиномий, отражающих устройство и функционирование языка: «язык – мышление», «говорящий – слушающий», «означающее – означаемое», «модус – диктум», «содержание – форма», «субъект – объект» [Татаринцева, с. 236].

Информативность единиц языка – не исключение из рассматриваемой тенденции к антиномическому осмыслению вербальных феноменов. О диалектической взаимозависимости экономии и гиперхарактеризации в грамматической подсистеме языка еще в 1964 г. писал В.Г. Адмони: «Стремление к экономии как особому фактору грамматического развития противостоит стремлению к максимально подчеркнутому, многократному, даже плеонастическому выражению грамматических значений (*Übercharakterisierung*)» [Адмони, с. 60 – 61]. Таким